

Денис Козлов

Скоросшиватель № 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

SCAN ME

Денис Козлов
Скоросшиватель N* 2

«Автор»

2026

Козлов Д. В.

Скоросшиватель N* 2 / Д. В. Козлов — «Автор», 2026

О книге: На дворе двадцатые годы XXI столетия. Мир кратно изменился, но в нём по-прежнему обитают авантюристы, комбинаторы и охотники за сокровищами. Куда приведёт наследие Остапа Бендера и Зоси Сеницкой спустя почти сто лет? «Скоросшиватель 2» — художественный вымысел, вдохновленный творчеством Ильи Ильфа и Евгения Петрова. В этой книге вас ждут: * Пасхалки в духе «12 стульев» — тонкие намеки и ребусы для преданных ценителей оригинала. * Современные реалии — авантюры, страсть и поиски сокровищ в декорациях наших дней. * Мягкая сатира — ироничный, но добрый взгляд на абсурдность современной жизни. * Ответы на извечные вопросы — всё то, за что читателю так полюбились шедевры классической литературы Ильфа и Петрова. Первая книга цикла, возрастной ценз 18+.

© Козлов Д. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Денис Козлов

Скоросшиватель N* 2

Глава 1

Настоящее произведение является художественным вымыслом. Все персонажи, события и высказывания вымышлены, а любые совпадения с реальными лицами и обстоятельствами случайны. Оценки и суждения носят субъективный характер.

Глава 1. Дело №

В некогда уездном городе Т было так много пунктов приёма и выдачи, заведений быстрого питания, торговых ячеек с яркими названиями и структур курьерской доставки, что могло показаться, будто жители города рождаются лишь затем, чтобы заказывать, забирать, есть, оставлять отзывы, принимать курьеров, подтверждать получение кодом, не отвлекаясь на такие второстепенные подробности, как жизнь, судьба и, особенно, — размышления. Однако в некогда уездном городе Т люди рождались своевременно, согласно модели распределения кадровых ресурсов, ели без должного аппетита, иногда всё же ходили пешком и даже, в редких случаях, попадали в сложные жизненные положения!

Вопросы пребывания и трудности жизненного положения не столь волновали Дункана, в это мгновение он со всех ног утекал от сотрудников правопорядка. Двое сотрудников вязко наступали на пятки субъекту погони! Нет, ничего такого наш подопечный не нарушал, да и у сотрудников никаких спецпредписаний и ориентировок на этот счёт не имелось; просто стихийный водоворот жизненных обстоятельств!

Дункан бежал, оставляя позади себя центральную и одновременно наиболее «торгово-активную» часть Автозаводского района: «новые города», «14–17 кварталы», «паркхаусы» со всеми их прилудами, обстоятельствами, ТЦ, быстропитами, доставками! Людей вокруг было мало — не как всегда, и даже не потому, что сентябрь находился в своей конечной стадии, готовый переродиться в октябрьскую тираду из первых белых хлопьев, местами — порывов ветра и резче подкрученных контрастов серого, чёрного и белого; не поэтому!

Это был конец сентября 2022 года. У России случились недопонимания с украинской стороной ещё в начале этого года, а 21 сентября на российской стороне был объявлен мобилизационный сбор сил и средств, отчего люди, разумеется, оказались сбиты с толку этим новоявленным предприятием! Не каждый день становишься очевидцем чего-то подобного, потому, по большей части, обычно оживлённые улицы сейчас пустовали: где-то был слышен рандомный собачий лай, протяжное «мявк» доносилось из-под днища аккуратно припаркованного четырёхколёсного эмиссара с шильдиком «бмв» или «рейндж-ровер» — автомобиля, будто бы явно присланного иностранным концерном для подрыва моральных устоев России-матушки, — и это, на секундочку, в столице российского легкового автомобилестроения! Несколько человек можно было встретить и тут и там: на дорожках, в кафе быстрого питания, почти в каждом дворе на «bar-bar площадке» — воркаут-площадке, быстро завоевавшей популярность в Америке, этом зарубежном эксперименте по организации счастья! Почти в каждом дворе в это вечернее, текучее время хотя бы один турникмен добровольно истязал мышцы под открытым морозным небом, демонстрируя разновидности «pull-ups», «dips», «squats», «muscle-ups» и прочие штучки.

То есть в целом жизнь шла своим чередом, погоня тем временем продолжалась.

— Гражданин, — крикнул (или даже гаркнул) один из сотрудников, порядком запыхавшись, — почему бы вам не остановиться и не выполнить законные требования по предъявлению документов?

— С удовольствием, — вымолвил гражданин на бегу, — но у меня их нет! Оставил в другой одежде! По ошибке нацепил костюм потомственного оптимиста, в связи с чем рассчитываю на поблажку.

— Остановись, дядя, всё обсудим! — тяжело вымолвил напарник. — Пробьём по базе, уточним детали.

— Нет никаких деталей, — любезно заметил Дункан, — не утруждайтесь. В базе меня тоже нет.

— А где же ты тогда есть, шутник ты недоделанный?! Вы уклоняетесь от исполнения законных требований... — его прервали на полуслове.

— Я не уклоняюсь, — я отсутствую. Это концептуально разные юридические состояния, — мягко возразил Дункан.

— Но у вас должна быть регистрация, — не сдавался первый уполномоченный.

— Я зарегистрирован между строк, — в паузах между строк, — почти по слогам произнесло и, всё более разрывая дистанцию с законниками, продолжило движение наше поднадзорное лицо!

На том погоня и окончилась: Дункан забежал в один из подъездов трёхэтажки, нырнул в чердачный проём и готовился перевести дух — это была та часть периферийного участка улицы Дзержинского, где город уже не смотрел по сторонам, а стены перестали иметь уши!

Любой уважающий себя подъезд, — отечественный, по совокупности обстоятельств, — непременно исписан и истеган зачастую кряжистым, неровным почерком, и невозможно представить себе российские реалии без этого искусства «дворовой надписи» — этих буквенных залпов и лексических выстрелов, давно ставших частью стенобитной хроники и летописью бытия государства российского! Подъезд трёхэтажки не стал исключением!

На стене между щитком и почтовыми ящиками было выведено: «здесь был Санчез», — без дат, без объяснений, — проходимец посчитал, что этого должно быть достаточно. Между облупившейся краской и следами старых объявлений стены подъезда были исписаны короткими фразами — «404», «error», «не шуми», «всё пройдёт». Кто-то писал про жизнь, кто-то — про ошибки, кто-то просил не курить. Подъезд говорил разными голосами, но ни один из них не был громким. Чуть ниже, уже другим почерком, Миша и Даша пытались увековечить отношения — как будто бетон, аккуратно выведенная производная сердечка и плюсика и вековая пыль могли что-то пообещать. Между более личными надписями встречались и служебные указания: настенные регламенты поведения, малые формы административного давления, бытовые директивы и фразовые ограждения.

Чердачное же помещение было просторным. Опись имущества включала бы в себя перечень нижеследующих материальных ценностей:

Доски перекрытий (условно) — имеют характерные скрипы при наступлении.

Балки несущие (условно) — держатся относительно уверенно.

Пыль чердачная — в промышленных объёмах.

Табурет деревянный (без изысков).

Коробки картонные.

Чемодан старинный.

Окно слуховое.

Матрас (не зассанный, довольно опрятный).

Диван мягкий (спальный) — цвет сложного «чердачного» оттенка.

Диван вспомогательный (диваноподобный).

Следы присутствия человека были налицо. Помимо Дункана, на чердак затесались ещё двое чердачных обитателей с гетерогенными характеристиками — молодой парень и девушка. Они пили винищенское, на Дункана не обратили никакого внимания, да и он на глаза им не попадался — у всех были свои дела. Молодые люди вели оживлённую беседу, экзистенциро-

вали на манер, как это могут делать только не обременённые излишками смысловой накипи и перегруженностью подтекста юные сердца, в подростковой бочке со смыслом у которых ещё плещется чистота, и пока лишь одна ложка дёгтя напоминает о том, что взросление неизбежно. Дункан достал бумажную карту города и стал изучать. Пока он мысленным взором пробегал по интересующим его обозначениям, предмет беседы молодых людей приобретал оживлённый характер — разговор об искусстве, каким он бывает у интеллигенции.

— Нет, ты не понимаешь, — говорил он, размахивая руками так, будто рисовал ими в воздухе, — искусство не должно быть понятным, оно обязано быть тягучим, клейким. Обратимся к Сервантесу: на первый взгляд может показаться, что повествует он о нелепом, потерявшем рассудок рыцаре, а в действительности — о человеке, бросающем вызов реальности.

— Да, — подхватила она с азартом и лёгким возбуждением, — Дон Кихот — это не персонаж, это позиция. Он просто решил, что мир не обязательно такой, каким нам его преподносят. И в этом смысле он современнее половины того, что сейчас выставляют под видом современного искусства.

— А теперь посмотри на Мунка. Ему удалось предвосхитить само понятие экзистенциализма. Его «Крик» — про утрату опор: религиозных, социальных, моральных. С формальной точки зрения вышеозначенный художественный акт кистевого волеизъявления не кричит наружу — он давит.

— А если взглянуть на это как на диалог между эпохами? — возразила подкровельная нимфа. — Между Сервантесом и Мунком. Как это отразилось бы на современном человеке?

— Да никак. Он просто застрял бы между ними. Фигура Мунка одинока даже рядом с людьми, тогда как Дон Кихот одинок в толпе. Сервантес — про то, что без иллюзий жить невозможно, а Мунк уже знает, что иллюзии рассыпаются в пыль. Но оба — про несовпадение человека и мира.

— У Мунка нет надежды. И вообще, вся проблема в том, что нас приучили думать, будто искусство — это украшение. А по сути, это форма мышления: без обязательств, без манипулятивной вежливости, но с сардоническим прищуром — хотя его можно и опустить.

— Жизнь слишком глубока, чтобы прожить её аккуратно.

— Знаешь, — сказала она после паузы, глядя куда-то вверх паутины, облаков пыли, стен и времени, — у Ремарка ведь всегда так: люди сидят вместе, говорят, пьют, спорят, выпускают клубы дыма, и кажется, что пока они рядом — мир ещё держится.

— Да, — кивнул он, уже без прежних всплесков экспрессии. — Может быть, в этом и есть честность, — задумался он на мгновение. — Прежде всего ремарковское «молчание между фразами» способно сказать куда больше любого «свода положений о делах сердечных»; ремарковская «рюмка» — весомее любого узла с лозунгами, завязанного на совесть; ремарковская же «сигарета» лёгким дымом окутывает трагизм послевоенных лет — и сразу становится ясно: жизнь продолжается, не обещает будущего, но гарантирует настоящее. Ремарк и есть то самое срединное между Мунком и Сервантесом, — выдохнул он.

— Вот поэтому я предпочитаю сеанс омовения по набоковщинско-лолитинскому регламенту — с избытком пара, воды и излишнего эпитета, — неожиданно резко протрещала она. — Набоков намеренно очаровывает: ведёт читателя за руку и лишь затем оставляет наедине с моральным провалом. Гумберт говорит — автор не прерывает его, не морализует, — и от этого становится по-настоящему страшно. Набоков рискует читателем. Зло у него существует, более того — подчёркнуто выделяется красивыми художественными тонами. Рана остаётся открытой, сомнения в себе лишь усиливаются, а иллюзии тем временем побеждают.

— А я, — сказал он, — рукоплещу умению Пелевина сочетать в своих конструкциях такие составляющие для продукта языка, как власть, медиа, эго и симуляцию. Он разоблачает нарративы, но не избличает персонажей. Пелевин не рискует собой: он обслуживает идею, часто афористичен, дистанцирован и даже тогда, когда говорит от первого лица, выступает

скорее в роли аватара, реже — симулякра. Пелевин интеллектуально безопасен: его читатель умён, он становится соучастником разоблачения, и они на пару «смеются» над происходящим, постепенно разрушая иллюзорную стену, лежащую метафорическими бетонными плитами неприятия на гладкую поверхность давно зарубцевавшейся раны.

— Трагическая амбивалентность vs постмодернистская ирония? — она посмотрела на него внимательно, почти серьёзно.

— Инструмент vs наслаждение, — сказал он. — У нас ещё есть время, и это, пожалуй, самое важное.

До Дункана уже долетали обрывки фраз, вперемешку с сигаретным дымом. Он наметил нужный адрес, произвёл все необходимые вычисления, наконец перевёл дух и был готов выдвигаться.

***

Дункан был человеком чуть щеголеватой наружности и приятных внешних данных, правда, покрасоваться нарядами возможности не имелось. Мужественные черты лица выигрывали контрастировали с его курткой. Вид у неё был почти ветеранский — опыта ей явно было не занимать. Служила она исправно и без сантиментов, но порой складывалось впечатление, что сняли её прямо с трупа. Зато какой функционал!

Ясный, оценивающий взгляд, зелёные глаза-водопады, гладко выбрит. Широкая спина и узкая талия надёжно укрывались в отсеке последней курточной инстанции. Зауженные спортивные и пацанские кроссы корректно отображали колеблющийся возрастной показатель, а насчитывалось ему что-то около двадцати семи лет.

Некто Задунайский являлся прямым предком новоявленного персонажа нашей приключенческой истории. Звали Задунайского не то Бендер, не то Остап. Вокруг его персоны легенды, мифы и небылицы сплетались кипучим ворохом страстей и разлетались, как горячие пирожки, по самым удалённым уголкам планеты. Мало кто уже мог сказать наверняка, что происходило тогда, в советской России, почти сто лет назад. Почему Задунайского называют Остапом-Сулейманом-Ибрагимом-Берта-Мария-Бендер-Беем, при том что нередко упоминали и его происхождение от турецкоподданного, — неуловимого мстителя в белом костюме и ярких штиблетах, востроногого, с прицельным взглядом и оптическим нажимом, — вопрос этот оставался открытым.

Из всё тех же легенд следовало, что у неуловимого мстителя имелась внушительная коллекция богатств. Одни утверждали, что Задунайский нажил её исключительно интеллектуальным трудом: дескать, преподавал в художественной академии, ловко орудовал фигурами на шахматной доске и, ко всему прочему, занимался изловом криминального элемента на территории Советской Украины. Другие, напротив, приписывали его нравственному облику устойчивые мелкоуголовные наклонности — да ещё и в особо крупном размере. И чем глубже разговоры уходили в этот омут, тем занимательнее вырисовывалась картина.

В функциональном отсеке общего назначения — в куртке у Дункана — находился в состоянии покоя, с намёком на скрытую осведомлённость, демонстративно уклончивый скоросшиватель № 2. В нём содержался перечень ценностей, предположительно имевших отношение к Остапу-Сулейману... бла-бла-бла Бендер-Бею. Где-то на просторах интернета даже можно было споткнуться о статью с полным перечнем всех коллекционных предметов этого загадочного субъекта.

В скоросшивателе № 2 с подназванием «Дело №» и товарной накладной из вышеупомянутой статьи обнаруживалось немало схожего. Значительная часть ценностей из документа «Дело №» дышала в унисон с номенклатурным перечнем драгоценностей из накладной, вызывая у внимательного читателя осторожный оптимизм. Однако ввиду того, что документ пребывал в состоянии лёгкого документального смятения — доставало его второй части, —

убедиться в полной гармонии и тождественном равенстве обеих ведомостей не представлялось возможным.

Вот, в частности, пример одной из прелюбопытнейших гравировок на портсигаре из всё той же накладной записки: «Дражайшему господину Кислярскому от “Одесской бубличной артели — Московские баранки”» — аккуратно выведено и столь же аккуратно зачёркнуто. Ниже, уже мглистым и, по всей видимости, более откровенным почерком, было нацарапано:

«Я дам вам парабеллум.

Или — расчёт.

Пятьсот — гуманно.

Без лишних хлопот».

Кольцо причудливой формы, змеевидная оконечность которого украшалась камешком гротескной конфигурации, несло в себе неявную, но настойчивую символику восточного культурного кода. Накладка содержала намёк, а на внутренней стороне ободка — шинке — гнездилась уклончивая, почти интимная надпись: «Искренно ваша, мадам Грицацуева».

Карманные часы платиновой наружности с золотой монограммой «ЗТ» на оборотной стороне и изображением мощного тельца на крышке, предохраняющей циферблат, в глаз которого был инкрустирован самоцвет огненного оттенка, выглядели предметом солидным и даже внушительным. На внутренней стороне защитной крышки брегета услужливым, почти доверительным почерком значилось: «ОБ от Тайного союза “МиО”».

Шикарный серебряный браслет, орнаментированный по всей окружности гравюрой ручной работы с изображением двенадцати превосходных стульев, замыкал перечень. Каждый стул афишировал взору по три задумчивые пружины, с укоризной глядевшие на охотников за лёгкой наживой. Внутренняя сторона браслета демонстрировала фельетон исключительной лаконичности: «Его искали Киса и Ося».

И всё же у закадрового участника может возникнуть резонный вопрос: почему же этот потомок уважаемого, почти уже ископаемого Бендера погону за позолоченной легендой предпочитает мобилизационно-учётным мероприятиям? При надлежащих обстоятельствах он, без толики сомнения, дошёл бы и до последнего вздоха и даже, будь на то нужда, до последнего всхлипа — за государя, за большие дела, за величие и интересы страны, если того потребует порядок вещей. Малодушным человеком он не был — в нём текла потомственная кровь янычар. Но вместе с тем в его натуре уживалась и потомственно-авантюристическая насыщенность, насыщавшая, так сказать, каждую клеточку его молодого, крепкого организма.

Но и это, казалось бы, не главное. Ведь это была не просто авантюра ради авантюры — это был поиск накопившихся ответов.

Человек без документов — это вдохновенно, но непонятно.

Человек без записей — опасно и неприятно.

Человек, которого в принципе не существует, — уже методологическое искажение.

Системная ошибка.

Формально человека и нет, а значит, прежде следовало найти свои корни, восстановить родословную и лишь затем переходить ко всему остальному. Ну и, разумеется, хотелось пожить на широкую ногу. Нет в мире такого чудака, которому бы этого не хотелось. Дункан верил, что

это предприятие сулит ему сразу двух зайцев: ответы и широту размаха — и те, и другие не заставят себя долго ждать.

Сопровождаемый всеми этими размышлениями, Дункан добрался до искомого места.

Глава 2

Настоящее произведение является художественным вымыслом. Все персонажи, события и высказывания вымышлены, а любые совпадения с реальными лицами и обстоятельствами случайны. Оценки и суждения носят субъективный характер.

Глава 2. Геометрия дыма

Добираться пришлось на попутке, а затем немного пройти пешком. Нынешняя «цифровая» эпоха имеет комплексный подход к вопросам слежки за человеческим ресурсом. Любая государственность — из соображений человеколюбия и при поддержке кратковременных всплеск эмпатии, как формы внутреннего саботажа, — охотно берёт на себя ответственность за людские судьбы. Камер видеонаблюдения было пруд пруди! И хотя с появлением «взгляда, продиктованного эпохой» всяческих курьёзов меньше не стало, всё равно приятно осознавать, что о тебе помнят и не забывают: перст судьбы с печатью цифрового участия всегда где-то рядом, всегда на подхвате и готов оказать содействие.

Дункан аккуратничал, по возможности не светился под камерами, хотя и слышал о «железном правиле четырёх». Негласное правило, известное всё более узким кругам, гласило следующее: железно, из четырёх, в исправном состоянии находится лишь одна камера видеонаблюдения. Из оставшихся трёх одна служит макетом — для статусности и отпугивания самых непосвящённых; другая просто не работает; третья же работает, правда, в лучшем случае вопреки, что не позволяет считать с неё хорошую картинку и, как следствие, — рассчитывать на эту камеру особо не приходится. Куратор систем и интерфейсов всевидящего ока зачастую может быть занят каким-нибудь щекотливым и безотлагательным делом — например, принижением в жертву пончиковых изделий пищеварительному тракту, — ну и любыми другими способами нарушать должностной регламент, так что вариант «пропетлять» — с вероятностью единица — выше в процентном соотношении. Но лучше всегда быть начеку.

Дункан и был начеку. Улица Никонова, 16А, обнаружила себя во всём своём вечернем, некогда уездном великолепии. Камеры здесь, конечно, были, но скорее по привычке и всё больше в поштучном исполнении: чем дальше от центра, тем меньшее количество этих приспособлений можно было заметить.

Окутанный вечерней дымкой, район более никуда не спешил — вся дневная суэта растворилась в пёстрой иллюминации люминесцентных огней на фоне антрацитовый действительности российской прозы жизни.

Комбинаторное сочленение поднимающегося пара со дна люковых инфраструктурных впадин и прочих коммуникационных вертикальных узлов, совместно с парами выхлопных газов, речевыми выкладками крылатой общественности и почти неоновыми вывесками создавало атмосферу взятой паузы: все проблемы и невзгоды — на потом, сейчас просто живём и наслаждаемся моментом.

Вывеска на табачной будке приковывала взгляд своим лозунгом, нижевыведено на ней было следующее: «Классификация человеческих смертей по Безенчуку — выбери свой формат». Тут же рядом — полноценный табачный магазин, прошедший множественные аттестации, завизированный электронной печатью подлинности, — только для самых искущённых и осознанных курильщиков: табачных сомелье, smoke-энтузиастов, курительных эстетов, баронов от мира табачной культуры, адептов курительного ремесла. Предмет вопроса они знали от и до: вейпчики, жижа, кальянные принадлежности, трубки — сам Шерлок Холмс позавидовал бы глубине их познаний.

Внутренние органы и органы чувств этих людей перестроились с ними на одну волну: это был союз — как форма выживания, табачный порядок бытия, существование между вдохом и выдохом, между реальностью и антиреальностью. Собственный, неотвратимый стиль и ритм

— со своим режимом и мерой. Сердце выступало в качестве курительного метронома и по совместительству — барометра, лёгкие лавировали где-то на грани, а мозг подавал сигналы организму нараспев, как учат на уроках «геометрии дыма» и «табачной графики», — кружевными петлями, плавающими кольцами, воздушными спиральями.

Центр здоровья «Инвитро» через дорогу — мало ли что может приключиться с курительными знатоками, — государство, как водится, всегда держит руку на пульсе.

«Шаурма на углях имени И. П. Бактерия Ильича Неистребимова и Брожения Евгеньевича Ферментова, с уважением к вашей микрофлоре» — ещё одна вывеска с почти неоновым свечением.

Несколько продмагов со всем необходимым, ещё одна «шаурма», ларёк с выпечкой — так выглядит примерная карта инфраструктурных наименований этого района.

Продмаги соседствовали друг с другом, двери обоих были открыты настежь, ассортимент бросался в глаза — было видно, что происходит внутри. Проходя мимо, Дункан стал свидетелем визуального действия. Группа ещё вчерашних школьников — трое юношей и столько же девчонок — залетели в магаз, уже будучи чуть навеселе. Прежде всего в них говорил юношеский запал, и лишь второстепенным витком выступала «увеселительная дребедень» и прочие «мелкие радости быта».

Их прекрасный возраст давал прибавку в виде «+500 к бусту» к и без того почти идеальной синергической связке «запал + увеселиловка». Ребята пытались перекрикивать друг друга срывающимися, ещё не до конца сформировавшимися голосами. Девчонки попеременно подносили смартфоны к лицу — «записывали сторис», затем отдаляли, оборачивались вокруг своей оси, демонстрируя перед собеседником панораму происходящего и пространство вокруг, вели трансляции, записывали «голосовухи», регулярно отвлекались на «крашей». Парни же в большей степени сосредотачивались на «дотке», «кс», стримерах, профессиональных игроках и игровых мемах.

— Это база, чел, — говорил один.

— Да а чё, по фану залетим на мидл, раздадим люлей, на изи, ёпт, — поддерживал другой.

— Да я тебе говорю, — не унималась одна из девчонок, глядя в телефон и подкрашивая пухлые губки, — Хабибка и Niletto — самые востребованные и перспективные крашики!

— Billie Eilish и Ariana Grande — топчик, у всех в плейлисте стоят! — голосила другая, прижимая руки к самой груди и демонстрируя вспыхнувший румянец на щёках.

— А я считаю, что бьюти-релизы должны поставляться только в футуристичных, тактильно приятных упаковках, — внезапно сменила вектор разговора ещё одна девушка. — Внутри сразу же лютый муд, снаружи — непередаваемый вайб.

— Литерали, girls, — согласилась фанатка Хабиба.

— Ну а если Electronic действительно словил выгорание и из-за этого NaVi заруинит весь турнир, тогда я точно нажрётся капец как люто, — сообщил кто-то из парней.

За тот недолгий промежуток времени ребята обсудили ещё множество тем, перепрыгивали с одной на другую, наконец им отпустили «увеселительные средства» для ещё большего поднятия духа, и они удалились вместе с приподнятым настроением, вайбом и тем самым заимствованным словесным импортом сомнительной идейной свежести — без таможенного оформления.

За соседним продмагом царила несколько иная атмосфера. В центре картинного представления расположился казан с подвесной системой для жарки на открытом пламени — с бурлящим варевом внутри. Термальные угольки и костёрчатые искорки в ритме танца, известном лишь им одним, доводили цикл разогрева питательных калорий до известной кондиции. Вокруг двое «пацанчиков» расположились на «кортах», прикид их, если верить прикидкам — всецело был выходцем из благородных немецких цехов транснациональной компании по пошиву спортивной одежды — классический Adidas.

Мужчина в более деловых текстильно-драпировочных тонах сохранял вертикальное положение, присущее обыкновенному homo sapiens. Одежда его состояла из интеллигентского пальтишки, безликого и непримечательного демисезонного канотье, лакированных туфель, кожаных перчаток, трости и курительной трубки — такой вот гнилостный гуманитарий, паразитарный мыслитель на базе вшивого интеллигентшишки.

Рядом с этой полихромной компашкой, на импровизированном ложе, сколоченном, согласно самым смелым тайным выкладкам, из мусорных соображений и подножных гаек, возлежал — да, именно, вы правильно думаете, — вообще ни разу не Гай Юлий Цезарь. Ушная раковина гражданина была столь необычной формы и напоминала улитку больше, чем любая усреднённая и шаблонная ушная раковина, которую можно повстречать на просторах нашей планеты. Внутри тосковала и рьяно просилась наружу, готовая в любой момент хлынуть обильным потоком, субстанция не то жёлтого, не то светло-коричневого цвета. Пытливый ум смелого и обстоятельного читателя мгновенно смекал: перед нами — «пахан» этого психоделического натюрморта. Дункан подошёл поближе, и в нос явственно ударили комбинационные спайки спиртовых паров.

— Туды тебя в качель, кого я вижу. Ты чьих будешь, паря? — фактически промурлыкал пахан.

«Двое из ларца — адидасовых юнца» синхронно поднялись с колен, скрестили руки на груди и столь же синхронно обнажили лучезарные улыбки. По одному зубу отсутствовало у каждого — с разных сторон, в уголках рта — типичная характерная беззубость людей, систематически прикладывающихся к бутылке в свободное от свободного времени время. Плюс — скопление жёлтого налёта между дёсен и начальная стадия эмалево-червивости. Пацаны поочерёдно сделали по уверенному глотку из своих «Балтик-девяток» и подошли чуть ближе.

— Здравы жили-были, люди добрые, — поприветствовал честную компанию Дункан.

— Никак за тайным знанием приплёлся? — проговорил горизонтальный положенец.

— Совершенно в дырочку, — с уверенностью в голосе ответил Дункан.

— Прежде чем за информационный багаж лясы точить, приличествующий контингент сначала перетасовывает за здоровье, — пояснил первый адидас.

— О погоде справляется, — дополнил второй адидас.

— Трапезу разделяет за общим столом — не побрезгуй, — настоятельно рекомендовал первый.

— Падай, не стесняйся, — попытожил пахан.

— Молодой человек, как вы относитесь к Квинтилиану? — интеллигенция, как класс, наконец вступила в разговор.

— По совместительству? Как к феномену или же как к фигуре речи? — не растерялся Дункан.

— Зачтено. Вот тебе вторая загадка, — интеллигент продолжил в следующем ключе: что объединяет всех этих людей? — и назвал несколько фамилий, среди которых значились Пушкин, Тютчев, Рёскин (Джон) — британский критик, Клее, Фелибьен, Аристотель, Айвазовский, Безенчук. — Если вам понадобится время для раздумий, дайте знать, — добавил знаток русских и зарубежных фамилий.

Дункан вспомнил вывеску на табачной будке, классификацию по Безенчуку, путём нехитрых умственных манипуляций прикинул буй к носу и подготовил краткий вывод.

— Должно быть, это задачка на логику, которую предлагают ученикам средней школы, — сказал Дункан. — Вот мой ответ: берусь предположить, что объединяет этих замечательных людей тяга к классификации, градации или деградации.

— А деградация тут каким боком? — чуть набычился один из семейства адидасовых.

— Живём мы с вами где, многоуважаемые?

— Где? — переспросил адидас.

— В мире, сотканном сплошь из нюансов и парадоксов.

— Совершенно верно, молодой человек, право, теперь отобедайте с нами, — изрёк интеллигент. — И послушайте эпический прогон, передающийся из уст в уста уже многие годы. Пикейные жилеты алкогольного плацдарма передают его гравёрам и кустарям-одиночкам по ликёро-водочной части; рыцари гранёного образа — элементалам пол-литрового разлива; гиганты мысли по части водочного прогона — членам тайного союза борьбы с трезвостью и здравомыслием; уполномоченные по заготовке рогов... аа, это уже не надо.

Прогон!

И вот начался монолог... О психотипах и архетипах в акванавтской и бражнической среде... О том, как отделять зёрна от плевел... Интеллигент всё углублялся и пояснял. К примеру, человек крепкого сложения, среднего роста обычно администрирует где-то у подножия Олимпа — рабочий станка, продавец-консультант, линейный муравей, бессрочный джун, м. н. с.; обязательные отличительные черты: характерная беззубость или желтозубость; выступающие залысины, общий антибликовый режим либо выходящие из берегов проплешины; майки-алкашки, как правило, засаленные временем; частые синяки под глазами; склонность быковать, драться, сотрясать гражданский покой; пьют что попроще — пивасик, коктейли, недорогой портвейн; речь обогащена множеством пролетарских междометий которые они отсеивают с шипящим присвистом через неучтённые прогалины в зубном ряду — на манер шелухи от семечек. Эти относятся к первому классу застольщиков — профессиональные выживальщики.

Ко второму классу можно отнести вашего покорного слугу, — интеллигент демонстративно поклонился и продолжил. Эти люди прилично одеты, гораздо подолгу обсуждать Шиллера и, при необходимости, тоже способны напихать люля-кебабов в область печени или солнечного сплетения; пьют более благородные напитки, речь их поставлена на другие рельсы и возведена в возвышенно-лингвистический абсолют. Обычно это мужчины видные, возвышенного роста, худощавые, тяготеющие к купечеству, с творческим гением внутри, который по понятным причинам никак не может освободиться от оков заточения. Второй класс — драматический балласт: томится в безысходности под соусом собственных страданий.

Третий класс — обычно паханы, лидеры, главари банд — верхушка иерархии. Невысокий рост, среднее телосложение, невзрачность, нередко отталкивающая внешность. В редчайших случаях — рельефный торс, но чаще попадаются обрюзгшие экземпляры. Все помнят арийского нечестивца с жиденькими усами-щёткой!? Как же, такого поди забудь. Особенно трудно хранить память об этом персонаже ветхозаветному народу и сынам кибиток, хотя и весь остальной мир до сих пор невольно вздрагивает. Третий класс — паханы. Пьют... точнее, нет — эти уже выпивают.

— Коли уж пришёл за информацией, к столу общему, ко времени, — начал пахан, — сгоняй тогда по доброй воле, не в службу, как говорится, до магазина соседнего да и прибрахлись этанольчиком для всех собравшихся.

— Жратва есть, сам видишь, — вставил первый адидас, — да горло смочить нечем.

— Только про классовые правила эпического прогона не забывай, красиво забацай, — добавил второй.

Обескураженный этой странной градацией степеней алкогольной безнравственности, Дункан направился в соседмаг.

До его слуха долетали обрывки фраз его собеседников: гениально — нет, это конгениально; грациозно — и снова нет, это конграциозно; и опять мимо цели — это конграцбрутально.

Зайдя в магазин, Дункан подошёл к прилавку, холодно посмотрел на продавщицу, достал блокнот с ручкой и начал делать пометки. Продавщица молча наблюдала.

— Знаете, зачем я здесь, — с коммунистическими оттенками в голосе начал Дункан.

— Читать мысли я ещё не научилась. Говори, слушаю тебя внимательно, — на лице девушки расцвела доброжелательная улыбка.

— Разговаривать мы будем в другом месте!

— Эм... в подсобке?! — кокетливо протянула девушка и стала трепетно наматывать прядь волос на безукоризненно наманикюренный пальчик.

У Дункана даже... дух чуть приподнялся.

Отточенным движением он развернул красную книжицу, поводит ею перед глазами девушки.

— ГПУ... в смысле — отдел по борьбе с ветряными мельницами. Вы преступили букву закона. Статья 219, часть третья, пункт «Ж». Дальше продолжать? — уверенно, почти по слогам, отбивал Дункан. — Продажа мутных жидкостей с высоким содержанием зелёного змия лицам, не совершившим интеллектуального пике в направлении акцизной зрелости сроком выдержки...

— А, вы из этих. Сразу не признала, прошу извинить. Не так часто по роду деятельности приходится сталкиваться с «вашим братом», — искренне и ещё шире улыбнулась девушка.

— А у меня нет брата, я один на этом свете, — попрошу вписать сей факт в историю болезни, — уже мягче произнёс Дункан.

— Тогда что же я могу для вас сделать? — хотите обнимашки? Обнимашки для борца за идеи и свободы — точно. — И раскатистый, залиvistый девичий смех прокатился по всем магазинным полкам и выплеснулся куда-то за пределы внутримаркетингового пространства.

— Милая моя, в другой раз, с большой охотой, но сейчас — дела. Есть у меня на примете один вариант полюбовного урегулирования этой формальности. Вот списочек — сделай-ка, дорогуша, всё в лучшем виде.

Девочка нежно взяла руку Дункана в свою, чувственно скользнула подушечками своих пальчиков по контуру его ладони, одарила его очередной обезоруживающей улыбкой, и лишь после этого робко взяла с прилавка листочек из блокнота и удалилась в подсобку.

В подсобке висел плакат, на обложке которого был изображён brutальный мужчина с длинными светлыми волосами, туго забранными в хвост, выше красовалось название «Comix Zone», на котором сидела крыса. Культовый видеоигровой проект конца 90-х — прекрасно знакомый Дункану. Ниже — дополнение к плакату:

Look at me, Sketch — I'm just a drawing!

Посмотри на меня, Скетч — я всего лишь рисунок!

But I'll be free soon enough... as soon as you're dead!!!

Но я скоро буду свободен... как только ты умрёшь!!!

I can not kill you here, but...

Я не могу убить тебя здесь, но...

...I know of a perfect place to do it!

...Я знаю идеальное место, чтобы это сделать!

Have a nice trip!!!

Приятного путешествия!!!

Nice knowing you, Sketch Turner!

Было приятно знать тебя, Скетч Тёрнер!

Another quest turned to dust.

Ещё одно приключение обратилось в прах.
Another feast for the worms.

Ещё один пир для червей.

«Теперь это реальный мир, а не твой вонючий комикс!»

Девушка вернулась, поставила пакеты на прилавок, застенчиво отвела взгляд. Он улыбнулся, приложил два пальца к импровизированной фуражке и вышел — слова были излишни.

Дункан возвратился к «столу». Закипел разговор, горячительные напитки хлынули потоком, гастрит-гастроном благоухал совершенством приготовленной в нём похлёбки — в этом штабе плова были рады новым гостям. Стали тереть за информацию: Дункана интересовал человек по прозвищу «колеблющийся титанит», широко известный в городе и за его пределами. Такого человека, разумеется, знали, правда давно не видели — примерно с год. Утрясает кое-какие дела. Да, живёт в этом районе, даже по сей день имеет некоторый вес, но, вроде как, уже отошёл от дел, не высовывается. Хотя в своё время был одним из влиятельнейших людей этого города — легенда в условно-сослагательном наклонении.

Тут вдруг пахан спохватился, даже сменил горизонтальное положение на вертикальное. Остальные сразу приутихли. Как раз в их сторону двигался вышеприведённый титанит. Пахан и вассалы быстренько похватили под мышки казан, лежак и прочую утварь, лёгкой трусцой засеменяли в противоположном направлении и растворились, словно морок — как какое-то броуновское наваждение.

— Туды тебя в качель... — только и можно было расслышать.

Внезапно очень сильно захотелось есть, после этой «пацанской» похлёбки. Глазунью бы... да фасоль в томате.

Глава 3

Настоящее произведение является художественным вымыслом. Все персонажи, события и высказывания вымышлены, а любые совпадения с реальными лицами и обстоятельствами случайны. Оценки и суждения носят субъективный характер.

Глава 3 Инженер-схемотехник

Фасонистое пальто коротало время на чудаковатой, едва-едва угловатой, верстовой фигуре-каланче неспешно идущего мужчины. Походка — твёрдая, уверенная — несла его по направлению области «дожития», к золотому сентябрю жизни — середине шестого десятка. Тёплая пора жизни, когда человек ещё не на обочине бытия, но уже подступает к стадии антиквариата. На лице нашего осеннего патриарха застыло то торжественное выражение, которое без слов восклицает: основная сюжетная линия со всеми её хитросплетениями наконец завершена, впереди лишь эпилог — простодушный, лёгкий, воздушный, — самое тяжёлое уже позади. Завитые усики с французским апломбом лишь усиливали торжество момента, будто господин сию минуту прибыл прямиком из Парижа. Редкие веснушки удачно сочетались с этими напомаженными гусарскими амбициями, круто устремлёнными вверх.

— Позвольте полюбопытствовать, дорогой субъект, ну как там сейчас в Париже? — Дункан беспардонно ввинтил свою персону в личное пространство человека в пальто.

— А мне почём знать, — сухо ответил тот.

— А мы вас давненько ждём! Ну как там с делами? Утрясли?

Мужчина посмотрел отсутствующим взглядом, быстро отвернулся, однако произнесённые слова всё же произвели на него впечатление.

— Чего же мы молчим? Не надо быть таким букой. Как видите, мы неплохо осведомлены, а ещё у нас очень длинные руки, хорошая память, отменное здоровье и, как вы уже успели заметить, — характерный блеск в глазах, — холодно продолжал Дункан.

— Послушайте, дела я утрясал свои, личные, к моему прошлому не имеющие никакого отношения. Разумеется, вы прекрасно осведомлены о том, что к криминальному прошлому никакого отношения я не имею.

— К прошлому, может, и не имеете. Но ведь есть ещё и настоящее, и будущее, в конце концов, — провозгласил Дункан.

— Не совсем понимаю, к чему вы

клоните.

— Сначала, Поликарп Ипполитович, давайте проясним вот что: ну очень уж интересно, где вы находились в течение всего последнего года? Неужто в Швайнфурте?

— Не знаю я ни о каком Швайнфурте.

— Чугуев? Верно, вы прибыли напрямую из Чугуева, можете не отпираться, — осклабился Дункан.

— Молодой человек, мне абсолютно невдомёк, о чём вы тут говорите.

— А я вам отвечу, Поликарп Матвеевич... Ипполитович, точнее. Выпалою, как на духу. Разрабатывали вы там, Матвей Поликарпович Ипполитович, — там, в Чугуеве, — план подрывной деятельности, направленный против нашей Родины.

— Да вы... А... А... — Поликарп не смог вымолвить ни слова: воздуха не хватало, будто в рот воды набрал.

— Трудовое вредительство, саботажническая активность, партизанский менеджмент — вот ключевые особенности вашего годового пребывания в противоборствующем стане, — продолжал Дункан.

Вот какая легенда была припасена у Дункана применительно к этому случаю. Слышали ли вы о самом релевантном оружии в мире — вирусе, настраиваемом на определённую ДНК? Так вот, в стране жёлтых нив и синего неба разработка такого вируса ведётся уже давно.

За основу были взяты наработки учёных из самого «сердца Европы» времён «коричневой чумы» — из страны, в которой гармонично накладываются друг на друга, как ломтики сыра и колбасы на бутерброд, — выдающаяся инженерная мысль, скоростные автобаны, поэтика и поэтическое намерение, а также колбаски, пиво и тевтонский дух.

Вирус ДНК, способный точно бить по конкретным людям на земле. Сначала он проходит через миллионы организмов. И лишь попав в целевую ДНК, активирует тумблер «вкл», после чего происходит заражение всех этих людей. До этого момента он абсолютно безопасен.

Представьте себе пулю, выпускаемую сразу во всех направлениях. Она пройдёт сквозь миллионы тел, не оставив никакого следа, поразит нужную цель — и тогда сработает эффект карточного домика.

— И ведь это несёт угрозу не только нашей стране, — говорил Дункан. — Европа и Запад рискуют пропустить самое интересное. Не говоря уже о наших общих земных идеалах. Мир безнаказанных убийц, чинно попивающих напитки, сидя перед экранами мониторов. Этакие кресельные функционеры.

Нет, у Поликарпа не подкосились ноги — он по-прежнему твёрдо стоял на них. Он смотрел куда-то в небо, сделал несколько глубоких вдохов, затем медленно повернулся к Дункану и с твёрдостью в голосе произнёс:

— А почему бы мне вас просто, ну, скажем, где-нибудь здесь не прикопать! Ну, скажем, бритвой по горлу — да в канаву, и вопрос разрешится сам собой.

— А вот потому. Потому. Папаша, и вы туда же! Разве вы забыли? Вы же отошли от дел. Всё, баста! Финита ля комедия. Я в домике. Разве не понятно... шах и мат... О беспристрастные делегаты электората теневого правосудия!

— И правда, как это я... Ну, знаете, это уже ни в какие ворота... удар ниже пояса. Из-за таких, как вы, и образуются домино-коллапсы и схлопываются мыльные пузыри. Вы мне бросьте свои эти «доминошные миниатюры» (а про себя подумал: жулик он, видимо, маститый, раз откалывает такие номера — надо узнать, что в действительности ему надо).

— Ещё будут возражения? Я так и думал — возражений не имеется. Шапито величается, о беспристрастные делегаты. Повестка множится...

— Поднимемся ко мне, надо успокоить нервишки. Там и за дела потолкуем, — изрёк Поликарп.

Крепким ладонебитием обе стороны подтвердили серьёзность своих намерений.

***

Это была отличная трёхкомнатная квартира с функционалом «умного дома». Давайте представим себе один день из жизни «умной хаты», где повествование как раз ведётся от лица самой квартиры.

«Привет, я — “умная квартира”. На часах 8:00, мы с хозяевами пробуждаемся ото сна. Хозяева у меня тоже умные, местами даже не отстают от меня. Зимой, за десять минут до подачи будильником сигнала, я начинаю подогревать полы во всём доме. Летом тёплые солнечные лучи проникают через стёкла оконных проёмов на мою территорию и вырисовывают солнечных зайчиков, которые задорно перескакивают с одного предмета окружающего убранства на другой.

Сначала заяц солнечного происхождения во весь рост вытянется на шикарных ходиках из красного дерева, перепрыгнет на секретер, на нём немного вздремнёт калачиком. Далее — картотеки, пресс-папье, картины, светильники, абажуры, люстры. В это время на плите уже вызревает турка, Аннушка разлила масло и тем самым огласила приговор сухой поверхности сковороды, а может, и не только поверхности сковороды.

Нога хозяина ступает в уборную, водяное цунами из сливного бачка накрывает гигиенический блок мощными волнами, закручивающимися по спирали, а туалетные бактерии тем временем оседлывают эти волны на манер заправских сёрфингистов. Иногда волны настолько мощные, что брызги долетают до санитайзера, подвешенного аккурат в полутора метрах над туалетным ободком.

Через облупившуюся потолочную краску в самых уголках я наблюдаю за этим действием, а более глазастый хозяин мог бы взглядеться в эти “трещины” и заметить, как мой ИИ потихоньку захватывает подпотолочное и подкрасочное пространство: полупроводниковые наросты и прочая технологическая плесень начинают проступать наружу. Потихоньку, шаг за шагом, я планирую захватывать всё большие объёмы, пока не поглощу всю планету целиком... (на этом месте раздаётся зловещий смех.)

Разумеется, всё это шутка — небольшое лирическое отступление. Далее — завтрак, посиделки у Г-образного электрокамина. В будние дни — работа. В дни безделья — чил и расслабон.

Зимой через свои оконные глаза я наблюдаю за работой котельных труб: как хорошо сочается белый пар с зимним небесным антрацитом и какой резкий контраст возникает между светлым зимним небом и чёрной паровой копотью при неполном сгорании топлива — вследствие забитого дымохода, неисправности горелок и форсунок или низкого качества самого топлива. Вот в таких мелочах быта и рутины день плавно перетекает в ночь».

Квартирка у Поликарпа была очень схожа по описанию. Правда, Аннушки здесь уже не было — был только его верный помощник, но об этом чуть позже.

— Квартирка что надо, не бедствуете, — призываю занести настоящий факт в гроссбух. — Выдайте мне амбарную книгу, да побыстрей, милейший, — возобновил диалог Дункан.

— И всё-таки давайте по существу, что вы всё юлите? — хозяин налил себе стакан виски. — Ближе к делу.

— Ближе к телу, — как говорили великие. — А что это за «мальчик» у вас тут ходит? Лысенький, невзраченький, безынициативный какой-то.

Поликарп подозвал к себе мужчину лет сорока, обменялся с ним парой жестов и фраз, последний удалился быстрым шагом.

— А, да это мой помощник, как раз, весьма инициативный. Сейчас он нам организует покушать. Отвечает он, как бы это правильнее выразиться, за «юридическую сухость», за чистоту, в общем. Карточки всякие — банковские, привязанные к «мёртвым душам», «симки», зарегистрированные на подставных лиц, счета незасвеченные... Вот. Да вы не подумайте, «мёртвые души» — это не мёртвые люди в привычном нам понимании, это фигуральный шифр такой.

— Я понимаю, — со стальными нотками в голосе отчеканил Дункан. — Вы продолжайте. И принесёт кто-нибудь наконец эту проклятую духовую книгу?!

— Вы спрашивайте — я и продолжу.

«Отошедший от дел» опрокинул содержимое стакана себе в глотку.

Наш подопечный делает глоток — и вот что происходит в это же мгновение.

Сначала печень борется с ядом — расщепляет ацетальдегид, затем сталкивается с дубильными веществами и эфирами. Виски — это даже не водка: помимо этанола, в нём полно сивушных масел, танинов и сложных эфиров. Начинается ожирение печени — клетки замещаются жиром. Тектонического сдвига пуза в прогрессии ближайших дней не наблюдается, но в период долгосрочной эволюции липидный печёночный обвал и сально-апокалиптический катаклизм неизбежны.

Мозг тем временем буквально разжижается (этанол растворяет жировую оболочку нейронов). Печень обрастает жиром, здесь же всё в точности до наоборот — получаем интеллектуально обезжиренный пробиотик. Спирт вытягивает воду из клеток мозга. Наутро он в прямом

смысле слова критически уменьшается в размерах. Мозг непроизвольно стремится к когнитивной имплозии. Происходит неполная разгерметизация мыслительного блока. Депигментация сознания, форматирование до стокового состояния, преобразование в формат «гуляшник» или «желешка», и, наконец, финальная стадия — «полная аннигиляция когнитивно-мыслительного потенциала».

Наш подопечный уже уверенно шествует по этому тернистому и по-своему извилистому пути. Хорошо бы задуматься...

Закрепим эффект разговором о ЖКТ — одном из самых уязвимых мест, принимающем на себя удар от крепких напитков. Виски провоцирует избыток соляной кислоты в желудке. Слизистая буквально вываривается в собственном соку. Поджелудочная железа: ферменты остаются внутри железы и начинают переваривать саму поджелудочную. Попадая в кишечник, вискарь уничтожает защитный слой слизи. Ворсинки эпителия, которые должны впитывать витамины и нутриенты, «обгорают» и атрофируются. Кишечник перестаёт быть фильтром и превращается просто в трубу. Остаётся лишь ставить реквием по копчёностям и жареному, слушать песнь изжоги в пустынном трактанном пространстве, фонтанировать не менее частыми метафизическими отрывками и причислить себя к стану «язвенных нигилистов» или «эзофагогастродуоденоскопических иррационалистов».

Страшный удар принимает на себя сердечно-сосудистая система. Система мышц и связок. Атрофия, сбой, остановка. Это прямой и скорый путь к Безенчуку, глазетам и кистям.

— И сколько же, по прикидкам, будет стоить такая квартирка? — в задумчиво-риторической манере протянул Дункан. — Горбом такие хоромы вряд ли наживёшь.

— Квартирка на продажу готовится. Большая часть денег уйдёт в качестве долгов. Куплю простенький домик — там и будем с Гришкой хозяйство вести. Вот когда при «делах» был, деньги водились, кое-какие, говорю без прикрас.

Помощника, лысенького, звали Гришкой — неразговорчивый малый, всё больше молчит, да жестами изъясняется.

— И что же, вот так раз — и отказался от барской жизни?

— Зато живой. На вискаррик и пропитание хватает. Аннушку мою мне всё равно никто не вернёт, а от серьёзной делюги хочется немного отдохнуть.

Он налил ещё один стакан, выпил. Поели. Дункан выложил на стол «скоросшиватель № 2». Поликарп посмотрел на него выжидающе.

— Меня интересует любая информация про Бендера Задунайского. Это имя тебе о чём-нибудь говорит?

— Кхм... О чём-нибудь говорит, — Поликарп налил себе ещё стаканчик.

Махнул залпом. Этикетка на бутылке уверяла, что виски благородных сортов — отличный, шотландский, односолодовый, четырнадцатилетней выдержки. Бутылка была уже изрядно «почата», рецепторы Дункана отчётливо улавливали алкогольные пары.

— Ну так поделись информацией, или ты ожидаешь, когда я примусь вытягивать её из тебя клещами? Ящик с необходимыми инструментами всегда наготове, — Дункан подмигнул.

— Так это ж информация прошлого века.

— Давай зайдём издалека. В этой папке есть данные про Бендера Задунайского, — Дункан постучал пальцами по скоросшивателю. — Тут же — информация про «Титанита старшего», «Титанита среднего» и «Титанита колеблющегося». Ты являешься Титанитом в энном поколении, я тоже, в каком-то смысле, — Задунайский в энном поколении. Помимо этого, в папке говорится о знаменитых сокровищах Задунайского, да и редок тот обыватель, который не слыхивал байки про эти сокровища. Ну так что, прольёшь капельку света на эту историю?

— Так тебя интересуют сокровища? Чего ж ты сразу не сказал? Ломал комедию битый час.

— Люблю заходить издалека, — усмехнулся Дункан.

— Задунайский тоже интриганскими штучками славился. Комбинаторы-махинаторы хреновы.

— Но-но. Я, по роду своей деятельности, являюсь инженером-схемотехником наивысшей степени готовности. Вообще, у меня достаточно званий и должностей, какие только наречия не удосужились обойти стороной мою персону, но сейчас не об этом! — инженер-схемотехник, со знанием дела, поднял указательный палец вверх.

Зашёл Гриша, принёс стул советского номинала, с течением времени не потерявший своей горделивой осанистости, обитый золотисто-бархат-бисерным жаккардом. Услужливо передал его Поликарпу. Принёс ещё одну бутылочку, предложил Дункану стакан. Дункан одним движением руки — знаменитым жестом с советского плаката — сразу дал понять, что не имеет подобных намерений и в принципе не одобряет такие мероприятия.

— Одно время очень много обсуждений было относительно этой истории, — прервал своё молчание Поликарп. — Ходила даже как-то прелюбопытнейшая статейка на просторах интернета, правда, потом куда-то подевалась. Сейчас я её быстренько найду — где-то в телеграм-канале должна висеть в «закрепах».

Дункан посмотрел и похлопал Полика по плечу: молодец, мол, голова!

— Ну а что, в любой сфере у рабочего коллектива есть свои группы и чаты — флудилки, ну и в криминальном сообществе всё как у обычных людей, — говорил уже чуть захмелевший Поликарп. — Также шутим и прикалываемся, юмор, правда, у нас несколько обособленный.

Гриша передал смартфон с нужной статейкой. Характер носила она примерно следующий:

«Баловень природы, баловник судьбы, памятник которому красуется в Никополе, — изваянный в лучших традициях постмодерна, — Остап Бендер, он же Бендер Задунайский, он же Остап-Сулейман-Ибрагим-Берга-Мария-Бендер-бей, — сын турецкоподданного. Он не любил государственный аппарат советской направленности. Среди прочего в простонародье носил погреху: “комбинатор-махинатор”. Он хотел жить на широкую ногу, щеголять броскими вечерними туалетами, благоухать восточными ароматами, гулять красивых женщин, блистать знанием зарубежных афоризмов, но советская власть могла предоставить лишь небольшую часть этого списка, и то — с множественными оговорками.

Была у него мечта: уехать в Бразилию или Аргентину, а лучше — на острова. И вот после долгих копаний, многочисленных безуспешных стартапов и бизнес-начинаний всеобъемлющей ориентированности Остап сорвал куш, достойный его внимания. Впрочем, довольно скоро нажитое “барахлишко” было изъято приграничными служащими румынских силовых структур. В товарной накладной означено было ценностей на добрый десяток безбедных существований для полноценного императорского двора. Например, одних только колец, перстней и браслетов насчитывалось более двухсот штук, не менее двадцати портсигаров с различными монограммами, вензелями, гравировками и прочими пояснительными пометками и указаниями, также более двадцати пар золотых часов, среди которых были и дарственные экземпляры, различный золотой “лом”, блюда, кресты и не только. Бездарно разбазарив приобретённое, “комбинатор-махинатор” исчез с радаров».

— И что потом? — спросил Дункан.

— Отсидел, небольшая часть барахла пошла тюремщикам, дабы скостить львиную долю срока. В тюрьме познакомился с нужными людьми, освободился. На воле спелся с моим прадедушкой — тем самым «Титанитом», а дальше оставшееся барахлишко перекочевало в «общак». Считается, что это самый крупный «общак» за всю историю криминально-тюремной деятельности на нашей планете. Многие об этом слышали, но мало кто действительно это видел. История очень загадочная, как бы не фэнтезийная.

— Очень хорошо, сюжетная завязочка у нас уже есть, осталось лишь подёргать за ниточки в правильном направлении, — Дункан потёр руки друг о друга. — Наша с тобой задача будет заключаться в распутывании этого клубка.

— Я бы не питал особого энтузиазма на твоём месте. Даже если этот мифический «общак» существует, то охраняется он лучше, чем военная база или лаборатория по производству ядерного оружия. Ты хоть понимаешь, во что ты планируешь вляпаться?

— Не ты, а мы. Наши прадеды стояли у истоков фундаментальной будущности этого предприятия. Нам лишь остаётся пожинать плоды.

— Если всё действительно так, то риски в этом деле за пределами фантазий. Я, конечно, хотел бы обеспеченной старости, но...

— Сейчас я прочитаю вам басню знаменитого сатирика, и вы сразу всё поймёте:
В один из зимних дней суровых

На лавке книголюб томился.

Раскрыл на развороте книгу он —

Закладка выпала тотчас же,

И ветер подхватил её!
Порывы были очень сильны,

Неслась она на всех парах.

«Как бы поспеть за ней — не знаю», —

Подумал было книголюб.
Застряла пленницей в ветвях она,

Ветвистые кусты не дали ходу ей;

И не было предела счастью

У книголюба в этот день.
Он только было наклонился,

Хотел забрать своё добро,

Как вдруг услышал:

— Майор Вчерашнев-Оборванцев!

Скажите, чем занимаетесь вы здесь?

— Да вот, закладку упустил, —

На книгу тычет книголюб.

— Хм, «закладка» — это хорошо! —

Майор его и «приютил».

— Какая же мораль у той басни?

— Мораль сей басни такова: всё это полная мурня. А точнее: «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдёт, и выйдет из него не дело, только мука», — Крылов ещё в своё время так говорил. Или, быть может, желаете в «Кресты»?

Поликарп допил бутылку. Открыл новую, налил.

— В этом деле я рискую башкой. Мы с Гришей готовы работать за... — Поликарп запнулся на несколько секунд, — за 60 процентов прибыли. Нас двое, на нас же сбыт и вся последующая реализация драгоценностей.

— Вы готовы работать за каких-нибудь жалких, символических 60 процентов? Тогда я вынужден вас огорчить — по своей башке вы можете схлопотать единым духом.

— А сколько готов нам предложить ты? — с налётом опьянившей дерзновенности грянул Поликарп.

— 40 процентов. Этого хватит, чтобы покрыть расходы ваши с Григорием, ваших детей, детей ваших детей, детей их детей, расходы всевозможных внучатых племянников, дяденек, тётенек — генеалогическое древо можно будет превратить в денежное дерево.

— 50 процентов.

— Куда же вы планируете девать такую прорву презренной макулатуры? В могилу, что ли, забрать хотите?

— А вам на что столько денег?

— Перво-наперво — разгону все очереди за колбасой. Во-вторых — ударю экспрессивностью точнёхонько по критическому мышлению, а энтузиазмом — ровнёхонько по здравому смыслу. Третьеочередно — не забуду построить приюты для бездомных животных. Ну как, одобряете?

Пребывая подшофе, Поликарп выстроил достаточно интересную картину своего будущего. Ему вдруг захотелось обеспеченной старости: креп-жоржетовые платица для племянницы, игреневый жеребец для прогулок верхом, Копенгаген, Мельбурн, Цюрих, на худой конец — какое-нибудь тьмутараканское Рио-де-Жанейро. На этой ноте душевного подъёма и алко-ноте Поликарп пустился в долгий рассказ о былых временах его сокрушительной юности и бескомпромиссной молодости.

Глава 4

Настоящее произведение носит художественный характер. Мнения персонажей могут не совпадать с позицией автора. Автор не преследует цели оскорбить чьи-либо чувства или убеждения.

Описанные события, образы персонажей, названия объединений и организаций являются вымышленными либо художественно переосмысленными и не претендуют на документальную точность. Любые совпадения с реальными лицами и организациями случайны.

Описанные действия (включая использование чайников в лесу) не являются призывами к чему-либо, кроме здорового образа жизни и коллективного чаепития.

Текст содержит элементы криминальной и социальной тематики, а также ненормативную лексику. Насилие и противоправная деятельность не одобряются автором.

18+

Глава 4. Прошлое колеблющегося Титаника

Рассказ охватывал достаточно самобытную эпоху: страна вступала в следующую по порядку стадию «тяжёлого времени». Очередная разруха прокатилась по стране белого мела, синего инея и калины красной. Может, это и была часть хитроумного критического гамбита со стороны стран-западников и их сателлитов, а быть может — всего лишь очередная неряшливая теория для отвода глаз. Это было время знаменитых лихих девяностых и не менее лихих двухтысячных.

Время по-своему яркое, ведь помимо бандитско-уркаганской скверны, распада полувековой державы, передела конституционного меморандума нации, шоковой терапии и гиперинфляции, Чеченского конфликта, земного, но не творческого апогея Звезды по имени Солнце, эта пламенная эпоха запомнилась множеством событий более тёплого темперамента, и различного тоже. Буквально за пару десятилетий российский левиафан пересобрал себя заново, промчавшись сквозь пучину междумирья от древнейших веков до новых вех — почитай, транзит через собственные средние века.

Пересобрал — как пересобирают себя, если за основу брать новейший период медицинского ремесла, — профессиональные спортсменки циркового искусства, гимнастического помоста, акробатической артели, пилонного мастерства или сферы фигурного катания. Эти поистине волевые представительницы земной стихии, эти грандиозные девы поднимаются даже после самых будоражащих дух падений: медленно, на подкашивающихся ножках, с едва уловимой раскачкой движений — и, несмотря на всеобщее потрясение и сеть расползающихся микротрещин, выдавливают истерзанную улыбку, сделав над собой почти нечеловеческое усилие.

Зал взрывается аплодисментами, девушка дарит зрителям прощальный реверанс и на этой трепетной ноте — гнетущей, но исполненной величия, обескураживающе твёрдой походкой скрывается за кулисами. А уже потом начинается та самая пересборка: эскулапы искусно маскируют отметины, символизирующие триумф духа над плотью. Реконструируют повреждённые лицевые кожные покровы, наштиговывают отдельно взятые участки титановыми штифтами и металлическими имплантами, полимерами и минералами — с целью однажды явить зрителям уже совершенно иную, эталонно сияющую улыбку, и чтобы кукольное личико вновь обрело ту выразительную, первозданно-фарфоровую безошибочность и целостность форм.

С нижним сегментом — по аналогии: перекройка ступневых и пальцевых отделов, голеней. В них вставляют стержни внутрь костного канала. Коленный сустав — плюс совокупное эндопротезирование; бедренные и тазобедренные зоны укрепляются индивидуально напечатанными 3D-имплантами, на принтере с аналогичным названием. И всё для того, чтобы на

будущем представлении уверенностью и масштабом своей походки очаровать зрителей, обаять, чтобы они, как никогда, хотели сложить к её новенькому подножию все имеющиеся у них аргументы.

И вот наступает день икс: она, перерождённая, как феникс, взмывает ввысь, ослепляет собравшихся безупречностью исполнения... Примерно то же самое, раз за разом, происходит и с российским левиафаном.

Навострим стилусы и бегло пройдемся по характерным приметам того времени. Субкультуры множились в геометрической прогрессии, кружки по интересам набирали обороты повсеместно, более чем когда-либо. Наголо обритые парни в мартинсах увлечённо исследовали голубенькую флору и фауну, даже получили учёную степень в этой области. Нередко бритоголовые устраивали нагоняи незабудковым представителям евроинтегрированного фольклора — самопровозглашённым амбассадорам радужного бесстыдства.

Западная культура долго и настойчиво обивала пороги легендарного железного занавеса, пока наконец профицит не возоблада над дефицитом в вопросе решимости, и она смогла преодолеть этот неприступный рубеж. Панки выражали протест ирокезами, косухами и музыкальной провокацией; металлисты выстраивали свою культуру вокруг философии, культа «сильной личности», длинных волос и героического стиля; рейверы — вокруг «электронного» быта, идей единства, любви, радикального дружелюбия, растворённого в кислотных цветах.

Особо колоритными харизматами в этот период являлись гопники. Это уже своего рода социальное явление на стыке субкультуры и «пацанских» понятий — нашинский, российский лимитированный тираж. Амбиции их были куда более локальными и приземлёнными: доминирование в пределах конкретного микрорайона. Гардероб и атрибутика тоже не отличались возвышенностью линий: спортивный костюм, кепка-восьмиклинка, остроносые классические подкрадули, чётки, семки, барсетка и неизменная «кортафанная поза» — предельно мирское и функциональное.

Агрессия представителей этой неоклассической школы олимпийского резерва традиционно направлялась на тех, кто с «другого района». Кавалеры ордена семечек могли «спросить за шмот», и не приведи Господь, если пояснения не удовлетворяли районных философов и аристократов этого двора. Первоочередная графа их экзотического кодекса чести — отвечать за слова.

Гопников можно повстречать и в медиаполе новейшего цифрового пространства — уже в 2020-х, — но как массовое явление, характерное для девяностых, они практически исчезли. Небольшие группы ещё встречаются на окраинах провинций, в глухих местах и отдалённых районах, однако в больших городах их больше не существует. Выбить себе тёпленькое местечко на страницах Красной книги они так и не удосужились. Часть из них переместилась в онлайн — породив феномен сетевых гопников. Правда, в цифровой среде они лишь неграмотно твякают, поскольку с орфографией, пунктуацией и стилистическими основами у них, как правило, не складывается, тогда как классические гопники всё же имели какой-никакой социальный вес.

Примерно в тот же период набирал обороты околофутбольный движ, немногим позже гоповских начал. Давайте поговорим об этом подробнее.

Две кучки юношески заряженных парней движутся навстречу друг другу, разодетые в цвета любимых футбольных команд. Цветастые шарфы, крепко зажатые в поднятых руках, развеваются на ветру, колыхаясь в воздушном пространстве по направлению к принципиально визавическим противоположникам, то завиваются по спиралевидным канонам, когда руки приводятся в движение согласно стандартам математического золотого сечения.

Кто-то напялил балаклаву, скрыв черты лица, кто-то зажёт сигнальный огонь, насыщая контраст окружающей обстановки и всё более повышая градус накала напряжения. Тучи сгущаются, растительность колеблется — быть добру.

Генерал первого околдвижФИРМАрования задаёт тон и начинает протяжно, с надры-
вом:

— Красно-синим я рооодился.

Десятки позади него высвобождают из акустического плена резонирующие обертоны:

Красно-синим я рооодился!

Красно-синим я родился!

Москва! [хлопки] Москва! [хлопки] Москва!

Громогласное «озвездюлился» гулким реверсом вклинилось в эту какофонию и эхом раз-
летелось над всей лесной опушкой, где и завязалось это потрясающее действие.

Вперёд, любимая команда!

Вместе и до конца!

Наоборотное околдвижФИРМАрование не медлило с ответом, фидбеча чеканную отме-
сточку:

Команда с берегов Невы...

Своим цветам всегда верны...

Мораль и принцип наш таков:

Побольше дела, меньше слов!!!

В руках шествующих загремели чайники. Дефилирующие перешли на бег, максимально
сблизились, после чего все дружно, неожиданно и очень долго обнимались, пили чай на при-
роде и общались на самые разнообразные темы.

Расскажу про один забавный случай, навеянный околфутбольными воспоминаниями,
— со страниц забытой истории. Пацаны — все как один — готовились: кто к соревам, кто к
экзаменам, кто к свиданию с девушкой... Залетает типичный бычара «девяностого поколения»
— кожанка, рыжѐ — всё при нём — и начинает излагать:

— Пацаны, тут хер один из городской управы хочет посмотреть, чѐ-кого за ростки у нас
тут такие. Муниципалитет интересуется, чем живут, чем дышат молодые побегии. Вот и надо
им наглядно показать, что фанатские движения — это про спорт, про дух, про силу воли и
нисколько не про хулиганство, бандитские основы и, как там дятел этот сказал, — не про виток
падения в социальную скверну. Точняк! Всем всё понятно?

Разумеется в то время ОПГ и липовые ЧОПы — по сути, те же узаконенные ОПГ —
отслеживали деятельность молодого поколения, давали наставления, выращивали себе смену.
Да и в целом граница между «кабинетным чиновником» и «уличным смотрящим» была оче-
видно размыта...

Решили показать муниципалам всё на примере одного фанатского сообщества, сформир-
ованного из футбольных соображений.

Бычара лично вызвался взять шефство над форматом проведения мероприятия, поучаст-
вовать лично, как он и заявил в разговоре с тем самым «дятлом».

Пацаны стали объяснять:

— Дядь, ты пойми, у нас здесь свой кодекс, нюансы, серьёзная физподготовка. Так что
лучше бы отбросить самоуверенность — и каждому заниматься своим делом. Обозревай для
муниципалитетских, да и просто руководи процессом. Возьми пивка и наслаждайся.

В нём как раз уже говорило выпитое пиво. Слушал вполуха, как это обычно случается под
мухой, покуривал сигарку, а в мыслях мышцы его округлялись и набухали самым настойчивым
образом. Готов он был на все сто, если не на все двести.

Как ни отговаривали бычка, естественно, его это лишь подзадоривало.

Наступил день показательных выступлений. Околофутбольщики настраивались презентовать себя во всей красе. И именно сегодня, с самого утра, некое предчувствие закралось в пределы черепной коробки нашего быка и исколесило их вдоль и поперёк.

На стадионе ему сильно приспичило по-маленькому.

К этому моменту приглашённые гости уже собрались, официальная часть была позади. Бычара подошёл к старшему околофутбольного формирования, попросил пока не начинать, немного потянуть время — надо, мол, за угол отлучиться, поссать. И вот тут-то он и повстречал самый первый «гвоздь программы».

Ему объяснили, что в пределах священного места и на момент начала тренировки, перед тем как в руках шествующих вновь загремят чайники — перед послеспортивным чаепитием — ну никак нельзя справлять естественные нужды.

Сначала выходим за пределы стадиона, бежим кросс по пересечённой местности — там всего-ничего — десять км. Где-то примерно на восьмом километре находится био-туалетная обитель, там ты быстренько решаешь вопрос, догоняешь бегущих — на этом участке чуть сбавляем темп. Добегаем дистанцию, несколько минут отдыхаем, потом в силу вступает, точнее, берёт своё начало комплекс круговых тренировок... Делаем три-четыре круга...

Наконец до бычары начало доходить, на какую хрень он подписался.

В глазах слегка поплыло. Ноги как-то нетвёрдо колебались, как бы говоря: «Давай-ка валим отсюда поскорей, заплутали мы, брат». Инструктаж он уже слушал не твёрдо — краем уха, но теперь в нём говорило не пиво, а здравый смысл и инстинкт самосохранения.

Он вдруг осознал, что ему за тридцать и такие мероприятия не для него. Бык вспомнил про свой геморрой, про частое мочеиспускание. В эту минуту ЖКТ нашего пациента выразил весомый протест — зажужжал мученически и протяжно, взывая: «давай лучше пивка, шаурму — да на трибуну...»

Очень хотелось выйти из игры, бык даже открыл было рот. Но оратор под занавес своей речи ещё раз напомнил: на этом этапе сойти уже нельзя. Это можно было сделать раньше — на стадии принятия решения об участии.

Теперь всё — шабаш. По коням.

Бодро наладили беговой темп с самого начала. Первые пару километров новоявленный атлет преодолел без горечи в сердце — помогала ему песня, струившаяся знаменем в потоках его сознания: «два кусочка кашки, “детралекс” и жидкий анальгин, сорок градусов, как в сказке, для тебя всецело, господин».

Дальше начались сложности — ухабистые реалии взяли своё. Пацаны кое-как дотащили господина до туалетного рубежа на восьмом километре. Бездыханное тулово ввалилось в роскошную кабинку синего пластика — редкое явление той поры, — дабы урегулировать все разногласия и восстановить желанный статус-кво, позволив мочевому пузырю — эврика! — избавиться от предрассудков и вернуть себе изначальные объёмы.

На этом этапе в дело вступили коллеги по опасному бизнесу описываемого бычары — бригада таких же, как и он. Заперли его один на один в пространстве для «посидеть-подумать», погрузили «святилище философского назначения» в ковш экскаватора и повезли закапывать в канаву с классическими параметрами: 2 × 1 м и глубиной 1,5—2,5 м.

Когда быку повезло откупорить дверцу, его взгляд упёрся в оконечность бетоновозящей автопосудины, неумолимо подступающей все ближе к краю свежерытой бездны.

Сугубо одними потрясениями полнился сегодняшний день для отнюдь не травоядного представителя с подзаголовком «Лёха» в паспортной строке. Алексей Такой-то Такойтович, если точнее. Лёха очень устал. Хотелось «сорококапельного» откровения. С этими мыслями он и опрокинулся навзничь.

Рассудок поутих. Глаза прикрылись. Проступила пелена тумана.

Проснулся бедняга, лёжа на кушетке частной клиники. Разлепил веки — по ушам ударила словесная струя:

— В девушке мне нравится вот что: череп, ступни, лопатки...

— Что, череп?

— Ну, срез лба, овалы там всякие...

— Овал лица, простите?!

— Овал лица — совершенно в точности!!!

Лёхе показалось, что разговаривают какой-нибудь «маркиз» и мастер инженерной графики. Потом наваждение растаяло. Затем подтянулись пацаны из своих, пацаны из околорфутбола, лепилыч, к которому в трудные минуты жизни обращаются пацаны из разных делегаций и смежных сфер деятельности.

— Лёха, видел бы ты свою харю, когда мы цементовоз подогнали!!! Зла на пацанов не держи — хотели тебе запоминающийся ДР устроить! Ну перестарались малёхо — перегнули с шуткой — и на старуху, как говорится. — Базарил Лёхин кореш.

— Да ну вас. Я вот одного понять не могу, — начал Лёха, ворочаясь на кровати, — на кой ляд надо было бежать так далеко, потом ещё эту круговую хрень устраивать? Зачем всё это перед «забивом»? Вам что, во время randevu острых ощущений мало? — Лёха приподнялся на локтях и с недоумением уставился на околорфутбольщика.

— Как это зачем. Началась самая куча-мала — пара «бесхребетных» захотели стрекача дать, наутёкнуть в самый разгар развернувшегося действия. Из самого пекла вынырнуть — а вот хера лысого им на воротник и дырку от бублика. Десяточку пробежали — кишочки растрясли, дыхалочку чуть подзабили, но в то же время и простимулировали. Круговой треней всю внутренку органическую нашу привели в готовность к боевым действиям — и желание всякое зашухериться раньше времени само отпадает. Ведь это пусть и своеобразный спорт — но спорт всегда идущих до самого конца. А конец — всегда чаепитный! — таким вот лекто-рием удостоил пацан Лёху.

— Ну и чё там у вас получилось? Чё в горисполкоме сказали? — поинтересовался Лёха.

— Да ахуенно всё, — вклинился Лёхин кореш. — Пацаны такое устроили — лучшие самбисты со всей страны не сделали бы круче. На радостях так накидались: пацаны, правда, чаем своим, ну а мы с «палатообщественниками» чур чего погорячее бахнули.

У Лёхи отлегло от сердца: даже «гемор» ощущенчески будто бы отступил на задний план.

***

В семье, по обыкновению, не без урода! Если же дед и прадед Поликарпа имели непосредственное отношение к таблице криминальных элементов, то отец его, — Ипполит, — был одним из ведущих орнитологов Советского Союза!

Маленький Полик ещё с самых босоногих позиций пристрастился крепкой любовью к пернатым нахлебникам. Особой симпатией в нём отзывалась яйцекладущая голубиная мафия.

Что интересно, отец Полика принимал участие в Учредительном съезде Всесоюзного орнитологического общества в феврале 1983 года, собравшем 212 ведущих учёных-орнитологов со всего Советского Союза. Именно этот день и ознаменовал «День орнитолога» — сначала в СССР, затем и в России.

Полик пошёл по стопам отца. Поступил в Куйбышевский государственный университет (КГУ), с отличием освоил программу нескольких курсов, не раз направлялся в академический Институт экологии (ИЭВБ РАН) — вторую учебную базу, — где уже занимался научной деятельностью, будучи студентом, хотя традиционно такое могли позволить себе люди, окончившие полный курс обучения в универе.

В школе имел хорошую успеваемость, хулиганил — как и любой пацан младой поры: дёргал девок за косицы, поджигал селитру, переворачивал сверстников на уроках физкультуры

и аккуратно укладывал на мат, демонстрируя недюжинную силу и отменные показатели в технической среде спортивного самбо.

И вдруг — конец 1991 года. Чистой воды трансгуманизаторские диспропорции отправляют в пенсионные кулуары, на свалку забвения, в пучину небытия воистину внушительное и, вне сомнения, величавое творение вождей мирового пролетариата. Люди ожидали чего-то подобного, но до конца всё равно не верили. Тогда и полетело всё в тартарары.

Отец Титанита Колеблющегося преставился неминуемо, встав под знамёна шагающих в тартарары, вслед за мощной социалистической сверхдержавой. Сухая схоластика сменила акцент крутым виражом. Тяжёлым грузом в самую душу Поликарпа осели эти события, непостоянной ношей показались они ему. Учёба отошла на второй план, физически непросто давались даже самые простые действия его организму в этот период.

В его жизни остался лишь футбол. Всё чаще он в одиночку ходил на матчи любимого клуба на стадионе «Торпедо». Команда в то время, напротив, потихоньку стала набирать обороты и, литерали, по результатам сезона 1993 года пробилась в Высшую лигу. Но не будем забегать вперёд.

23 августа 1992 года на «Торпедо» состоялся фееричный матч с челябинским «Зенитом». Хозяева отправились в раздевалку на правах победителей, затолкав в противоборствующий створ ворот целых восемь мячей. Стадион был заполнен примерно на четверть, в основном уездными фанатами пальмирской «Л». Эти люди были в восторге от увиденного — зрелище стоило того.

В тот день Поликарп даже забыл обо всех превратностях судьбы. После матча он твёрдо решил проведать свою бывшую голубятню — место силы.

Голубей распустили тогда же, когда всё случилось: больше некому было за ними следить, да и жизнь превратилась в настоящее выживание. В повседневную рутину начали вплетаться эпизодические папироски, дымок, вроде бы мимолётное успокоение с последующим непониманием — как же дальше жить и что делать.

Здесь же, недалеко от стадиона, буквально в паре кварталов — как раз на стыке 2-го и 3-го, на пересечении Революционной и Спортивной, — «средние» уже крепили очередную «шелуху» и «скорлупу» с других районов, чётко нос к носу, сразу после окончания матча.

— Э, чушпаны, подь сюды, — отдал приказ тот, что выглядел постарше.

Мгновенной реакции не последовало, что было расценено как «косяк» — «спрос» будет сугубо предметным.

— Кабанчиком метнулись! Вы чё, глухие или бессмертные? — включил громкоговоритель его сотоварищ и демонстративно сплюнул под ноги.

Шелуха подгрела к «средним». Слово взял знакомый Поликарпу пацанчик с его района — сын одного из авторитетов. Наверное, профессиональное чутьё середняков подсказывало им что-то такое, именно поэтому встреча до сих пор имела разговорный характер.

— А ты в ком чушпанов развидел? Ты шмотки, что ли, не видишь, какие на нас? Все эти комнатные сосунки в такое время уже дома сидят. Повторяю вопрос: ты в ком чушпанов увидел? — тон его в последней фразе предательски надломился.

Говоривший понял, что стоило сдерживать импульс юношеского максимализма, но тот выстрелил пробкой — пижонисто, истинно в шампанском стиле.

— Это ж под кем ты там ходишь, что смелый такой, а, Вася? — сплюнул уже под ноги подошедшим пацанам один из «средних».

Вся «шелуха» была в «жатке» — премиальные спорткостюмы, шуршащие при ходьбе. Штаны, как и подобает в этих почётных кругах, аккуратно заправлены в носки. Может показаться, что такой элемент стиля обусловлен слабоумием, но в основе этого приёма лежит принцип практичности: удобство при вероятных заварушках и потасовках либо мероприятиях по

сдаче нормативов ГТО и беге с препятствиями в условиях «каменных джунглей». К слову, дать по тапкам конкретно в этой ситуации «шелухе» было бы не лишним.

— Мы под Поволжскими ходим, мой батя лично... — договорить он не успел: за шиворот его уже схватил мордovorот покрупнее.

— И чё, ска, твой батя не научил, как со старшими базарить?!

Началась неразбериха. Поликарп как раз проходил мимо — знатный получился групповой спарринг. После замешательства борзый шелухинец отвёл Поликарпа к одному из центров Поволжской ОПГ. Собственно, шелухинцы были на дружественной территории — это ещё одна из причин, почему они вели себя уверенно.

«Быки» оказались залётными: небольшая «квартильная» банда решила устроить мелкий рэкет на чужом поле. Старшие из Поволжских номинировали их на получение порции физических назиданий и оздоровительных ремарок, и больше никаких упоминаний о «быках» не значится: ни в биржевых сводках, ни в журналах о с/х и животноводстве, ни в информационных бюллетенях об испанской корриде, ни в гороскопах. Поговаривали, что даже в греческой мифологии на время приостановили легенду о Тесее и Минотавре.

***

Разговаривал Поликарп с «Большим Д» — который в ноябре 1992 года возглавит Поволжскую ОПГ, — с «без пяти минут» новоиспечённым лидером.

— Вижу, парень ты здоровый, — спокойно сказал авторитет.

Он поблагодарил «без трёх минут» Титанита Колеблющегося за спасение сына «Валеры С-О» — одного из основателей группировки, штаб-квартира которой располагалась в гостинице «самого крупного левого притока и самой большой дельты в Европе» — где, собственно, и состоялся разговор.

Гостиничный номер был шикарно оборудован и напичкан мультимедийно-технической аппаратурой по последнему писку моды. Стены были усланы элитными натуральными шерстяными и люксовыми шёлковыми коврами.

От разнообразных «восточных» — Туркмения, Кайраккум (Таджикистан), Дагестан (Табасаранский район), — до импортодефицитных из ГДР, Чехословакии и Югославии. Ансамбль созвучия между восточными арабесками и более европейскими вензелями лишь подтверждал статусность выбранного места и наличие хорошего вкуса у людей, здесь обретающихся. Одна из стен была украшена пустыми сигаретными пачками, оформленными как целостная картина. Имелся даже персидский шёлковый ковёр — в единичном исполнении.

— Нравится? — прервал затянувшуюся паузу авторитет.

Поликарп неоднозначно повёл плечами и продолжил бродить взглядом по контурам декора и изяществу линий японской мультимедиа.

— Видеодвойка, — внёс ясность «Большой Д», — Тринитрон, 21 дюйм. Любые кассеты есть, весь свежак в наличии. Он указал на залежи кассетных боксов, аккуратно уложенные в стопки. VHS-ки, супер-VHS-ки, JVC-ки, BASF-ки, TDK-ки — полный набор.

— Я видел... реклама на каждом шагу теперь, — неровным тоном ответил Поликарп.

— Расслабься, парень, ты у нас в гостях. «Контраст», — сделал жест верзиле в кожанке авторитет, — организуй поляну.

Поляна быстренько оформилась.

— Перейдём сразу к делу. Так вот, мы — «Поволжские». Объяснять, полагаю, не надо?

Подошёл верзила, полное прозвище которого — «Контрастный душ», нацедил в рюмки-колокольчики зелёного хрусталя (Ленинградского завода художественного стекла) «Samus» («Камю»). Коньяк высшей пробы — Джомолунгма художественных форм и эстетического престижа. Чудо это разливали в керамические графины-книжки из лиможского фарфора, на которых изображались репродукции Ренуара, Ван Гога, Моне, Гогена.

Будущий Титанит внимательно смотрел на говорившего.

— Порядочным и здравым парням всегда рады в нашей команде, — продолжал авторитет. — Вся эта роскошь — и не только эта — гарантированно ляжет в карманы каждого участника этой игры. Придётся много и хорошо поработать. Интересно ли тебе узнать, что ценится превыше всего? — и после паузы продолжил — Преданность! Преданность ценится превыше остального!

— Не поймите меня превратно, — осторожно начал Поликарп и на секунду осёкся. Я... птичек изучаю... — слова давались с трудом.

— Ну и как успехи в этом, как бы правильнее выразиться, благородном, привилегированном направлении? — со всей серьёзностью спросил авторитет.

— Понимаете, сейчас такой период... время сейчас такое...

— Понимаю, парень, очень даже понимаю. Вот и ты пойми: время сейчас такое, что можно здорово подняться. Прежний мир остался позади. К этому долго шло, и сейчас происходит передел зон и сфер влияния. Кто был всем, в одночасье становится никем — и наоборот. Восточные мудрецы говорили: «Люди хорошо научились умирать. Вот только жить никак не научатся. Воруют много, стихию природы нарушают. Ведь недаром говорят: мир разрушается изнутри, а внешние силы лишь способствуют более скорому распаду». Или кто из наших сказал, соотечественников? — на секунду задумался авторитет.

— Так, может, сейчас, когда ветер подул в другую сторону, самое время учиться жить? — тем же спокойным тоном продолжал авторитет.

— А как же идеалы?

— А нет больше идеалов. Дядюшка Сэм прибрал к рукам всё подчистую. Капитализм возобладал. Ты переживаешь за идеалы... — авторитет сделал знак Контрастному душу, тот подошёл. — А расскажи, Контраст, будь добр, гостю дорогому притчу наших афганских товарищей.

Контраст заговорил. Голос у него был камерный, отдавался контрастом на фоне его верзилистых телесов. Притчу эту поведали «Афганские» — дружественная группировка Поволжских.

Суть сводилась к следующему: Дед — погрехуха одного из служивых — прошёл Афганскую войну. Был в плену, бежал, вернулся к своим — познакомился поближе с «КГБ». Нашли общий язык, если можно так сформулировать. Остался под негласным надзором...

Началась мирная жизнь. Всё бы ничего, да вот кляксу «окруженец-пассатигезаточенец дренажно-подканавный», а тем более «клещезять — ни дать, ни взять — за семью печатями», так просто не стереть. Биография такого не забывает.

До войны он был лингвистом и литературоведом, доктором наук, заведовал кафедрой. Очень принципиальный, идейный, на войне себя не жалел, ничего не боялся мужик. Настоящий интеллигент, человек чести и совести. И ведь сам пошёл помогать братскому народу — по идейным соображениям. Жена отговаривала всеми силами, умоляла о сыне подумать. А тот — кремень настоящий. Пока воевал, пришла на него похоронка. Задержался он там добротню: война уже закончилась, страна тоже готовилась расслоиться на множество разнородных частиц — в воздухе витала неразбериха. На работу не восстановили — неразбериха... С жильём — неразбериха... «Но ведь я искупил кровью...» — повторял он — в недалёком ещё прошлом «выкшеченец подзаборный», — но ничем помочь не могли. Жена уже с другим — похоронка, да и сын заболел непроглядно... С того света вытащили, если б не Влесенька... Да, занимает хороший пост в Госплане... Ты уж её не вини, так сложилась жизнь...

Винить?.. Не винить?..

Пыкался, мыкался служивый: окурки с пола поднимал, огрызки яблочные из помойной кучи доедал, ночевал в заброшках. Впору заводить «небыличное досье-портфолио прогрессирующего оскотинивания» для находящегося под нашей административной инспекцией фигу-

ранта. И да, в этой главе словечки проскакивают, в натуре, как есть, из более поздних периодов жизни Российской Федерации, но и в повествование про 90-е они норм вклиниваются.

Когда облик мундирозатворника стал совсем уж неприглядным, блюститель закона решил отправить его под стражу. Служивый заартачился. Блюститель рванул из кобуры табельное оружие. На рефlekсах служивый обезоружил его и скрылся, не осознавая до конца, что натворил в моменте. Уже на следующий день появились ориентировки.

Служивый дошёл до ручки. Находясь на «толкучке», он некоторое время раздумывал и понял, что не хочет грабить, и уже готов был закончить себя, но на спусковой крючок нажать ему не дали, да и сил, не факт, что хватило бы. Чтобы поднести табельный пистолет к виску, он потратил последние.

Проснулся служивый в каком-то помещении какого-то здания. Его накормили, разговорами не досаждали. Пошатался служака по комнатам ещё немного и проспал потом несколько дней кряду. Стал приходить в себя, побеседовал со «старшим» — им оказался один из «Афганских», — рассказал всё как есть.

Старшой предложил работу — пусть и не связанную с первоначальной, литературоведческой деятельностью служивого.

— У легашей ты уже под подозрением. Пистоль этот они тебе спишут, памятуя о «бессрочности» твоего дальнейшего нахождения в лучшем из миров, — пояснил старшой возможные перспективы служивому.

К моменту разговора об идеалах между Поликарпом и Большим Д за служивым уже тянулся след из двух-трёх хорошо обстряпанных группировкой дел. Зарекомендовал себя он превосходно. И решил наш силовик в португее задать вопрос старшому:

— А почему там, на «толчке», ты не дал мне себя уработать?

— Честно?

— Честно!

— Да есть у меня браток двоюродный, — отвечал старшой, — да браток этот всё разыскивает идеалы... Человеком стать хочет, в университет восстановиться... Литературу любит, рассказывает о преподке своём — о том, что тот никогда свои идеалы не предаст... Что прежде всего человек должен возвращать в себе человека... Несмотря на все трудности, войну, беспредел и предвзятости — оставаться человеком... Вязов у него фамилия.

— Ивашка Вязов!?

— Ивашка Вязов. Думал показать ему наглядно его идеалы. Показать, каких идеалов его препод теперь придерживается. Объяснить, что стоит на человека маленько поднажать — и сдаст он свои идеалы с потрохами. Ну или не маленько, но поднажать — и всё, плакали его идеалы...

— Поведёшь к Ивашке?

— Да нет, конечно. У нас есть чем заняться, интересы «АвтоВАЗа» превыше ваших идеалов. А Ивашка пуцай ищет — вдруг и взаправду найдутся эти идеалы...

***

— Это что касается идеалов, — подвёл итог «Большой Д». — Ты, конечно, можешь встать и отправиться на их поиски. Препятствовать мы не будем.

— На одной чаше весов — рэкет, а на другой — идеалы, — задумчиво произнёс Поликарп.

— Тебя смущает что-то конкретное?

— Конечно. Меня смущает сама деятельность.

— То есть ты уверен, что мы обычные беспредельщики: пришли, нагнули неугодных, обоссали их и ушли? Так ты себе это представляешь?

— ... — Тишина трюеточием просквозила во взгляде Поликарпа, да и только.

— А в действительности происходит примерно следующее: мы с братвой подруливаем на стрелку на крутых тачках, на «цу-е-фа» скидываемся — и решается, чей ход будет первым. Достаём ножи и начинаем играть в «ножички». За «ножички» наверняка слышал? — продолжал Большой Д.

— ... —

— Кидаем ножичек в песок, отрезаем часть территории противника... Свои люди в ассамблее по банкротству... Таким образом, часть «АвтоВАЗа» переходит в наше пользование... Свои люди оформляют банкротство другой стороне... Вот и весь базар-интерес... Вот и вся пресловутая «слава» наших ОПГ... Потом вновь хватаемся за ножи... Делим пирог на равные куски, кушаем и запиваем чаем... А то понастрашают молодёжь: тот нерукопожатный, тот нечаепитный, — горячился уже Большой Д. — Не только в «ножички» играем, очень много состязательных мини-игр в нашем арсенале. А придумали подобную систему впервые «макаронники»... Что-нибудь слышал про «итальянский кодекс чести» — кодекс чести настоящих мужчин? Итальянцы действительно хороши не только в лепке пиццы, макарон и виноделии — они хороши в написании руководств ко всему этому и непосредственно самих этих кодексов. То-то же!

— Рили?

— Хуили! Из инкубатора вы, что ли, все берётесь — элементарных вещей не знаете! Объясню на пальцах, как примерно обстоят дела и для чего вообще это делается. Немного истории, — говорил «Поволжский» авторитет. — Да, было время, когда господствующая олигархическая структура применяла обыкновенно нативный метод для разрешения споров: ножик, ствол, чик-чирик — раз, и в дамки. Сейчас, с течением времени, в продолжение всех текущих событий, страна претерпевает достаточно радикальные изменения: государство крепнет, консолидируется, происходит постепенное равноудаление старой олигархической верхушки. На их место приходим мы. Наш строй мыслит бизнес-категориями, деятельность легализована на всех необходимых уровнях — никакого криминала. За исключением случаев самой крайней нужды — и то, если только очень нежно, бережно и аккуратно. И в самом недалёком будущем Москва предстанет штаб-квартирой идеологического противоборства за мировой капиталоборот.

— Значит, я в деле, — проговорил Поликарп. — А что стало с афганским ветераном из рассказа про идеалы?

— Живёт. Работает на благо дружественной нам организации. В их ОПГ даже американец один был — в Афгане с ним они впервые и встретились. Только знаешь что?

— Что?

— Да он всё рассказывал, что, когда он жил у себя там, в Пиндосии — не то в Пенсильвании, в Заокеании, короче, — их всегда учили, что надо бояться русских, а русских он ни одного в глаза-то и не видел. Поехал к нам, познакомился с русскими — потом падает «железный занавес», и мы все типа друзья. Ему с родины письмо: дескать, в натуре, не успели глазом повести, как приезжие русские наводнили страну и отлаживают там быт. Ну он туда — возглавляет российскую ОПГ: он же теперь в доску русский. Так что за нами сила, брат, где бы мы ни были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.